

Технократическая структура как опция консервативного порядка и ее кризис: проект «сформированного общества» Рюдигера Альтмана*

Филипп Фомичев

Аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Адрес: ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1, Москва, 105066 Российская Федерация,
E-mail: philip.fomichev@gmail.com; ffomichev@hse.ru

В статье рассматривается концепция «технократического консерватизма» Мартина Грайффенхагена, представлен обзор ключевых положений социальной теории его представителей, обозначена роль Карла Шмитта и специфика рецепции его идей консервативными интеллектуалами в 1960-е годы. Центральным объектом анализа выступает проект «сформированного общества» (formierte Gesellschaft) Рюдигера Альтмана, в фокусе которого находятся кризис политической репрезентации и проблема политического решения в условиях технократического («консервативно-технократического») порядка. В работе исследуется предпринятая Альтманом попытка «шмиттианского» разрешения этого кризиса.

Признавая невозможность восстановления «подлинно политического» государства и соответствующей ему формы репрезентации в реалиях 1960-х годов, Альтман тем не менее полагал, что пространство для суверенного действия правительства сохраняется. Его основу он видел в принуждающей объективной логике (Sachzwang) индустриально-технократического общества, стремясь обосновать через нее шмиттианскую модель легитимации суверенного политического решения через категорию авторитета. Именно в такой синтезе, по мысли Альтмана, заключался выход из тупика «технократического консерватизма» и основанного на нем политического порядка, который переживал глубокий кризис на фоне реполитизации слева активной части населения.

Данное исследование является частью цикла публикаций об истории и философско-политических основах послевоенного консерватизма в ФРГ и немецких «новых правах».

Ключевые слова: немецкий консерватизм, технократический консерватизм, Рюдигер Альтман, «сформированное общество», formierte Gesellschaft, Карл Шмитт

Классический культур-критический немецкий консерватизм, бывший в первое послевоенное десятилетие наиболее широко представленным направлением мысли (от удалившихся от публичности Э. Юнгера и М. Хайдеггера до предлагавших политические проекты Х. Церера и Х.-Й. Шепса), с середины 1950-х годов начал уступать место вопросам постижения и освоения технико-индустриального

* В данной публикации использованы результаты проекта «Национальная философия и культура: традиционные духовно-нравственные ценности», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2026 году.

развития и выстраивания с учетом этого наиболее приемлемой с консервативной точки зрения системы. Именно лишенный идейно-ценностного наполнения институционально-технократический консерватизм исследователи считают наиболее теоретически проработанным и оставившим в истории послевоенной Германии более глубокий след, чем любое другое направление консервативной мысли (Laak, 2003: 148). Перенос акцента на техническую цивилизацию поставил проблему принципов организации общества и обеспечения его стабильности в новых условиях. Ее не могли игнорировать даже представители доминирующего в первое послевоенное десятилетие ценностно-христианского консерватизма, которые критиковали такой формальный подход к консерватизму как к политической и социальной технике, релятивирующей любые формы органичных социальных связей и не учитывающей вопрос ценностей, обреченный на деградацию до пустого структурного охранительства (Schildt, 1999: 71–75; Dirsch, 2005: 122–124).

Однако представители т.н. «технократического консерватизма» — как правило, социологи (социальные мыслители) с академическим фундаментом — рассматривали современное состояние общества не как что-то позитивное или негативное — что можно предпочесть или чего можно избежать — а как объективное положение вещей, несущее в себе новые угрозы и открывающее вместе с тем новые возможности. Потому и сам вопрос о форме и принципах консервативного порядка ставился ими иначе.

«Технократический консерватизм»

Сам термин «технократический консерватизм» (*technokratischer Konservatismus*) был введен в оборот в 1971 году в одноименной статье историком и политологом социал-демократических взглядов М. Грайффенхагеном (Greiffenhagen, 1971: 29–40; 1977: 316–346). В ней немецкий исследователь предложил концептуальный подход к истории консервативной мысли. Грайффенхаген различал спекулятивно-теоретическую рациональность и рациональность, основанную на опыте, которая может парадоксальным на первый взгляд образом быть иррациональной. Критика спекулятивной рациональности с позиций опытной и есть, по Грайффенхагену, базовая характеристика консервативного мышления. В исторической ретроспективе исследователь выделил несколько основных этапов развития немецкого консерватизма: критика механистического рационалистического государства эпохи абсолютизма, сочетающаяся с неприятием революционного демократизма и либерально-демократической политической теории; на фоне социально-политических потрясений рубежа веков — это, по Грайффенхагену, уже второй этап — в XIX столетии консерватизм пошел на тактический союз с бюрократически-абсолютистским государством, приняв вид реакционного легитимизма (корона, чиновничество и армия как опора) и постепенно сблизившись с нацией как с источником легитимации; в это же время возникло иное направление немецкого

консерватизма, которое Грайффенхаген связывал с историцизмом и романтизмом, эскапистской концентрацией на прошлом. Проистекающая из двух этих истоков националистическая немецкая традиция сдвигала свой «золотой век» все дальше в прошлое. Для Новалиса это были Средние века, на рубеже XIX–XX столетий — эпоха Карла Великого, для национал-социализма (через до-модерное понимание категории народа как общности представителями «консервативной революции») — германская древность. Это движение прочь от собственной же традиции, по мнению Грайффенхагена, составило уникальную черту немецкого консерватизма и одновременно с этим причину его глубочайшего кризиса 1930-х годов, в результате которого он «открыл ворота национал-социализму» и, выкорчевав свои же последние корни, дискредитировал себя (Greiffenhagen, 1971: 30–35).

Знаменитая концепция «дилеммы консерватизма», наиболее широко представленная Грайффенхагеном в одноименной работе (Greiffenhagen, 1977), призвана свидетельствовать о том, что консерватизм не может иметь позитивной программы, не отказываясь при этом от своих же основ. Консерватизм определяется через сопротивление Просвещению, порождением которого он сам является. Без «врага» он теряет мобилизующую силу и точку опоры, а ценности консерватизма осознаются конкретно-исторически лишь в процессе их упразднения, либо даже после него. После 1945 года эта ситуация усугубилась из-за исторически уникального по степени радикальности разрыва традиции в результате национал-социалистического двенадцатилетия. Политико-историческая конъюнктура на этот раз предельно категорично противопоставила авторитет — традиции, институциональность — социальному органицизму. В результате послевоенный консерватизм в Германии вынужден был принять либеральную парламентскую демократию и ее институты, превратившись в умеренный вариант того самого, против чего когда-то столь ожесточенно боролся.

Описываемый новый этап консервативной мысли Грайффенхаген связывал как раз с «технократическим консерватизмом». Это негативно нагруженное в его случае словосочетание описывало последние тенденции в развитии немецкой консервативной мысли в соответствии с внешними изменениями и служило наименованием для консервативных теоретиков, которые полагали, что ФРГ благодаря технократии вступила «в новую стадию стабилизации, кристаллизации, институционального укрепления». В качестве главных представителей выделяемого им направления консерватизма Грайффенхаген называет А. Гелена, Х. Шельски, Э. Форстхоффа, Р. Альтмана и А. Молера (Greiffenhagen, 1971: 37). Вместе с тем в своей «технократической» форме, по мысли Грайффенхагена, консерватизм «открыто исповедует позитивизм, сводя свое мировоззрение к голому утверждению дисциплины, авторитета и более не имеющих трансцендентного обоснования институтов» (Greiffenhagen, 1977: 353), а потому окончательно встает на почву просвещенческого мышления, против которого изначально выступал, и отказывается от последних органических и метафизических категорий.

В описании этой традиции исследователь отталкивается от философско-антропологической теории Гелена и его учения об институтах, итогом чего стала

концепция «кристаллизации» и окончательной стабилизации социальной системы. По мере того как объективные факторы формируют основы кристаллизованной системы, возрастает значение эксперта, а разделение между специалистом и неспециалистом порождает новую модель авторитета и иерархии. Затем же Грайффенхаген кратко рассматривает проект «сформированного общества» Р. Альтмана, который, по его мнению, представляет собой вариацию геленовской «кристаллизации», выраженную в том числе в деидеологизации и устранении возможности социальных конфликтов. Э. Форстхофф, описывая растущую сферу технизации и государственного вовлечения во все процессы, профессионализацию всех сфер жизни общества, приходил к выводу, что граждане государства все в меньшей мере оказываются компетентны решать собственную политическую судьбу, ограничивая свое участие в этом только правом голоса на выборах. Из этого делается вывод, что «демократическая свобода в технократическом обществе более невозможна»¹, а легитимация самого технического порядка лежит в области эффективности, что в конечном счете ведет к деполитизации гражданина. В качестве «ясного доказательства того, что консерваторы четко осознали несовместимость технократии и демократии», Грайффенхаген приводит работу Х. Шельски «Человек в научной цивилизации» (1961). Ну а «самым ярким свидетельством этого поворота консервативной мысли — от критики техники к ее полному одобрению» являются размышления А. Молера 1969 года, в которых швейцарский интеллектуал констатирует, что современные консерваторы оказались в идейном тупике из-за неприятия индустриального общества и бесперспективных попыток найти опору в старых иерархиях и структурах. Возводя социально-экономические и технические структуры современной системы в ранг «второй природы», Молер видит в объективном порядке технического мира возможность возродить старые консервативные добродетели служения и подчинения, обеспечить четкую и стабильную социальную иерархию, — пишет Грайффенхаген, заключая, что для Молера это не что иное, как подлинное осуществление «консервативной революции» (Greiffenhagen, 1971: 37–40).

Таким описанием феномена, который Грайффенхаген называет «технократическим консерватизмом», можно удовлетвориться лишь отчасти. Несмотря на многие верные замечания и пункты анализа, текст Грайффенхагена, как и его другие работы, вписан в околполитические дебаты того времени. Потому мы, не отказываясь от самого словосочетания, которое кажется достаточно удачным, более основательно рассмотрим описываемый феномен.

Начать следовало бы с указания на то, что названные и подразумеваемые в статье Грайффенхагена авторы представляли собой весьма условное единство, — как отмечает А.В. Логинов, данное направление в социологии и социальной философии не было завершенным интеллектуальным проектом, скорее речь здесь может идти о ряде мыслителей, чьи интеллектуальные интересы и теоретические

1. В доказательство Грайффенхаген приводит утверждение Э. Форстхоффа: «Дух техники, ориентированный исключительно на ее совершенствование, принципиально исключает индивидуальную свободу» (Greiffenhagen, 1971: 39).

подходы пересекались (Логинов, 2019: 234). Да и сам подбор авторов немецким исследователем кажется не самым удачным. Если А. Гелен и Х. Шельски, наряду с неназванным в статье Х. Фрайером, представляют социологическую традицию анализа индустриального общества и могут быть отнесены в область представителей социальной теории (в меньшей мере юрист Э. Форстхофф), то это не совсем справедливо для Р. Альтмана и уж тем более А. Молера — «шмиттианцев» от практической политики, включившихся в 1960-е годы в дискурс «технократического консерватизма» и весьма условно принимавших логику его анализа. Потому видится необходимым сперва в общих чертах рассмотреть социальную теорию «технократического консерватизма», после чего отдельное внимание уделить практически неизвестному в российском академическом пространстве, ориентированному на непосредственную политическую практику проекту Альтмана, предлагающему выход из кризисного состояния технократического порядка.

Подходы к изучению индустриального общества сформировались в трудах Ханса Фрайера уже в 1920-е годы, однако в полной мере «технократический этап» его мысли оформился в работах 1950–1960-х годов². Рассматривая интеллектуальную биографию Фрайера, М. Штебер указывает на дерадикализацию немецкого социолога уже в работе «Мировая история Европы» (1948)³, которая зачастую выпадает из поля зрения исследователей. Штебер интерпретирует эту работу в духе распространенного в первые послевоенные годы образа «христианского Абендланда», хотя в этом «манифесте дерадикализованного консерватизма» содержится и основа для концептуального примирения консерватизма и современной демократии, которую Фрайер более не стремился преодолеть, но рассчитывал на возможность внутренней корректировки системы (Steber, 2017: 120–123).

Эти интересные наблюдения демонстрируют — если мы сопоставим их с этапами и логикой развития иных форм послевоенной консервативной мысли — общий для немецкого консерватизма (при всем внутреннем разнообразии его течений) процесс пересмотра самих основ собственной теории. Фиксируя общее настроение ведущих консервативных интеллектуалов своего времени, Герман Люббе в рецензии на работу Фрайера «Теория современной эпохи» (1955) говорил о «консервативной революции, примирившейся с неизбежным» (Lübbe, 1959). Впрочем, как пишет ведущий отечественный специалист по немецкой философии техники А.В. Михайловский, уже в межвоенный период техника осмыслялась Фрайером как инстанция, учреждающая современность, и ключевым по-прежнему оставался вопрос господства в техническую эпоху; однако если ранее надежды возлагались на установление технократического господства путем «революции справа», которая должна была восстановить примат политического, то в послевоенные годы Фрайер сфокусировался

2. Теории индустриального общества посвящены такие его поздние работы, как «Теория современной эпохи» (1955); «Социальное целое и свобода отдельного индивида в условиях индустриальной эпохи» (1965).

3. Текст работы был написан еще в военные годы в Будапеште, где Фрайер с 1938 по 1944 год был приглашенным профессором в университете и руководил Немецким научным институтом.

на господстве объективных и безличных технических категорий — народ более не рассматривался им как действительный субъект истории, способный что-либо противопоставить всемогуществу техники, технопессимизм сменил настроение героического преодоления техники 1920–1930-х годов (Михайловский, 2024: 391–393). В ситуации, когда технические категории начали доминировать в жизненном мире индустриального общества, на место радикализма эпохи «консервативной революции» пришел скепсис. Фрайер более не видел реалистичных путей движения в сторону гуманного и справедливого общества и пришел к заключению, что любая революция в наше время ведет не к эмансипации, а лишь к захвату власти новой группой и усилению контроля над административным аппаратом (Логинов, 2019: 234–235). Технократическая система господства по определению стремится подчинить административной целерациональности всю социополитическую сферу, что в конечном счете ведет к ситуации подчинения человека технической логике и превращения его в техническо-научную производственную задачу (Михайловский, 2024: 396–397).

Таким образом, фундаментальная дегуманизация человека в условиях современного технического общества неизбежна. Необходимое смягчение, корректировка возможна на уровне «вторичных систем» — эту категорию Фрайер вводит в противовес «первичным системам» (органическим институтам). «Вторичные» же подчинены технической логике, которая исключает любую органическую целостность. Потому сопротивление возможно лишь на индивидуальном уровне, который позволяет преодолевать анонимность и безличность технического господства (Михайловский, 2024: 394).

В сравнении с Фрайером Гелен, который аргументировал от антропологического подхода, изначально более позитивно интерпретировал современные институты, рассматривая их как новую форму систем, необходимых для человеческой жизнедеятельности. Основа геленовского подхода была разработана им еще в работе 1940 года «Человек», в которой был произведен отход от традиционной фиксации на конкретном жизненном окружении и пространстве человека (Laak, 2003: 150). В технике Гелен видел способ преодоления физиологической неполноценности человеческой природы — техника как создание искусственной среды человеком, способ выживания в естественной среде, к которой человек не приспособлен в силу своей биологической «недостаточности». Эта нехватка замещается интеллектом и рукой, способной к орудийной деятельности, — долгое детство предполагает воспитание, социализацию, передачу навыков и умений по традиции, а не биологическим путем. Иначе говоря, «недостаточность» человека предполагает общество и культуру, неотъемлемой частью которой является техника (в широком смысле) (Руткевич, 2006). Техника выполняет задачи замены и усиления органов, «разгрузки» (Entlastung) через институты и упорядочивание опыта посредством создания разнообразных культурных и социальных форм, в результате чего с человека снимается избыточное напряжение, возникающее из-за редуцированности у основных инстинктов и специализированных органов (Логинов, 2019: 236). Тем самым, усматривая в технике антропологическую необходимость, Гелен содействовал снятию излиш-

ней культуркритической драматизации, пускай при этом и следовал центральным топосам немецкой консервативной культуркритики. С помощью техники человек, не обладающий естественным биотопом и потому «открытый к миру» и имеющий «избыток влечений», не столько приспосабливается к окружающей среде, сколько меняет ее под себя и берет в конечном счете под свой контроль. Переорганизация при этом перманентна и настолько радикальна, что она выбрасывает человека из всех «естественных условий жизни» и направляет его на совершенно новое «ведение жизни» (Михайловский, 2024; Логинов, 2001: 47–91).

Этот количественный и качественный переход в стадию «индустриализма» интерпретировался Геленом как «абсолютный порог культуры» (Kulturschwelle), который сопоставим разве что с неолитической революцией. Однако в один момент — в момент соединения техники, политики и экономики — произошло формирование «суперструктуры», которая уже неподконтрольна человеку и подчиняет его собственной логике; человек вынужден теперь приспосабливаться к искусственному миру, не учитывающему никакое смысловое содержание, кроме формальной эффективности. В результате общество обнаруживает себя в состоянии полной технической стабилизации («кристаллизация»), в которой современные институты требуют от человека автоматизированного подчинения и служения, не допуская опасной для социального порядка критической рефлексии (Михайловский, 2024: 399–408). В качестве того самого момента «кристаллизации» Геленом рассматривалась вторая половина 1950-х — начало 1960-х годов, когда обнаружилось, что принесший революционные изменения индустриально-технический мир сам стал неизменной стабильной структурой социальной структуры и человеческого мировоззрения.

Ученик Фрайера и Гелена, Хельмут Шельски — один из наиболее влиятельных социологов послевоенной Германии — также рассматривал человека как единство с сотворенной им же технической средой и одним из первых указал на технологические основы современного государства, которое действует в рамках логики голой эффективности (Логинов, 2019: 237). Шельски, по выражению Д. ван Лаака, представлял собой «современного консерватора с консервативно-революционным прошлым», который, как и Х. Фрайер, был убежден, что эпоха политических идеологий ушла в прошлое (Laak, 2003: 153–154). В условиях господства аполитичного индивидуализма и разрушения большей части традиционных социальных институтов, вопросы безопасности и стабильности определяют все прочие политические предпочтения. Формирование мнения народа превратилось в манипулируемый технический процесс, обрекший разумное политическое суждение на гибель и деполитизировавший индивида. Шельски рассматривал современного человека как научно-техническое существо, создавшее такие технико-социальные условия, в которых неизбежно и объективно происходит распад демократического правления. В ситуации, когда любая техническая проблема распространяет свое воздействие на все подчиненные социальные и индивидуальные сферы, возникает модель государства, в которой свободное демократическое волеизъявление более неосуществимо;

на смену этому приходит технократическая логика максимальной эффективности, подчиняющая все остальное даже при сохранении внешней видимости либерально-демократического порядка (Михайловский, 2024: 409). В своем компаративном исследовании взглядов двух немецких социологов на техническую цивилизацию А.В. Логинов заключает, что если Гелен в конечном счете пессимистично оценивал протекающие социальные процессы, так как современные суперструктуры вытесняют ключевые институты, то Шельски был склонен принять «научную цивилизацию» как неизбежность и, по сути, легитимировал существующий порядок (Логинов, 2019: 238).

Стабильный и социально-консервативный порядок в техническом обществе — или, оставаясь при словосочетании Грайффенхагена, «технократический консерватизм» — в том виде, как он представлен у его ведущих представителей — Фрайера, Гелена и Шельски, — в конечном счете фактически поддерживает устройство современного индустриально-технического общества и порядок конституционной демократии (Laak, 2003: 155). Объективная необходимость технико-индустриального мира и его институтов — *Sachzwang* (Х. Шельски) — становится в этой интерпретации той естественной институциональной силой, которая ограничивает деструктивную автономию человека, обуславливая иерархию и выстраивая этику служения и долга. Консерватизм в их лице примирился с техническим прогрессом и его влиянием на социальную и политическую структуру и полностью принял его, пытаясь использовать технократические тенденции для создания консервативного порядка (Finkbeiner, 2020: 104).

Технократический порядок и попытка шмиттианского преодоления кризиса политического суверенитета

Период конца 1950-х — первой половины 1960-х годов был отмечен рядом попыток выработать позитивную установку по отношению к тем социально-технологическим изменениям, которые произошли в результате нового витка индустриальной революции (Михайловский, 2024: 409). Однако не только осмысление самого факта принципиально нового общественного состояния было причиной сближения некоторых консервативных интеллектуалов с политикой, а интерпретация актуального состояния как кризисного, когда в середине 1960-х годов на фоне снижения экономической эффективности проект «технократического консерватизма» — по определению содержательно пустой — оказался под растущим давлением слева и требованиями изменения самой системы институтов ввиду «немецкого прошлого», их «структурного традиционализма» и «антидемократизма» (Laak, 2003: 156).

Особенно интенсивно дискуссии на эту тему протекали в близких к ХДС консервативных интеллектуальных кругах, которые надеялись после ухода Аденауэра воспользоваться, по их мнению, подходящим моментом, оказав существенное воздействие на внутри- или внешнеполитический курс ФРГ или хотя бы скорректировав его. Две наиболее интересные, по нашему мнению, попытки непосредствен-

ного влияния на политику в пост-аденауэровскую эпоху связаны с деятельностью представителей одной из ветвей рецепции Карла Шмитта. Немецкий исследователь интеллектуальной истории К. Вайссман выделяет всего три группы «правых шмиттианцев»: историко-философская, правовая и политико-практическая. К последней, о которой и идет речь, в первую очередь стоит относить В. Мартини, А. Молера, Р. Альтмана, Й. Гросса и Х.-Д. Зандера (Weißmann, 2011b: 38–39).

Шмитта можно в полной мере считать наиболее влиятельным консервативным мыслителем послевоенной Германии, которого рецепировали как защитники политико-правового порядка ФРГ, так и его критики — и справа, и слева (Михайловский, 2008: 158–171). Особенно существенным его влияние было в 1950–1960-е годы, однако оно никогда не принимало вида прямого воздействия на политико-правовую систему ФРГ. Оказавшись после Второй мировой войны в опале и изоляции, Шмитт поощрял и направлял близких к себе молодых консервативных интеллектуалов, поддерживал их проекты с критикой складывающегося либерально-демократического порядка и проектами политического переустройства республики в свете переосмысленного понятия об авторитете (Müller, 2003: 138–139). Исследователи говорят о выстроенной Шмиттом и вокруг него сетевой структуре коммуникации, основной формой которой являлась преимущественно скрытая от внешнего наблюдателя, непубличная беседа (Laak, 2002: 294).

Наиболее удачно, на наш взгляд, сформулировал характер этого интеллектуального влияния Д. ван Лаак, назвав его «беседами в безопасности безмолвия» (Laak, 2002: 294). Шмитт как один из наиболее влиятельных представителей немецкой консервативной традиции формировал вокруг себя центр сохранения альтернативы, точку сборки и интеграции духовно-интеллектуальной оппозиции, который за счет исключения из публичной коммуникации отказавшегося отречься от своих ключевых идей и принципов Шмитта приобретал таинственно-притягательную ауру (Laak, 2002: 294–295). Вместе с тем мышление Шмитта не устаревало и казалось весьма актуальным и в изменившихся условиях — он олицетворял вневременной тип трезвости и суровости политического анализа, который привлекал уже одним только своим образом. Предлагаемый в текстах Шмитта подход к осмыслению и описанию политики рассматривался как стиль мышления, на основе которого только и возможна фундаментальная и одновременно с тем конструктивная консервативная критика формируемой «общественным мнением» и погруженной в политические иллюзии публичной сферы. Его понятия и категории фактически сформировали самостоятельный автономный дискурс.

С другой же стороны, Шмитт со своим «мышлением о конкретном порядке и форме»⁴, указал на возможность ориентации консервативной теории на достаточно

4. В работе «О трех видах юридического мышления» (1934) Шмитт выделяет следующие его типы: «мышление о правилах и законах», «мышление о решении» и «мышление о конкретном порядке и форме». Первый тип мышления, согласно Шмитту, отражает юридический позитивизм классического правового государства, второй тип соответствует юридическому децизионизму, а третий — принципу политического единства народа (общества и государства) в конкретных исторических и географических рамках.

подвижном статус-кво, частично сняв проблематичный для немецкого послевоенного консерватизма вопрос об отсутствии исторической опоры. Но Шмитт, как пишет далее Д. ван Лаак, предлагал еще больше, что было чрезвычайно важно для оживления и реорганизации послевоенного консерватизма, — он уже был классиком, у которого еще можно было учиться вживую. Тем самым вокруг изолированного и опального юриста формировалась новая «шмиттианская элита» молодых интеллектуалов, которые с опорой на Шмитта и с его непосредственной помощью всесторонне критиковали социально-политический и духовно-интеллектуальный порядок ФРГ, поднимали табуированные темы, предлагали смелые и теоретически фундированные альтернативы (Laak, 2002: 296–299).

Это новое поколение социальных и политических мыслителей, испытывая сильное влияние Карла Шмитта, в то же время были учениками (или двигались в рамках традиции) немецких консервативных социологов (Фрайера и Гелена в первую очередь). Они подходили к социологии, которую понимали в первую очередь как науку о политическом и механизмах организации и осуществления власти (ее центральными категориями были власть, господство, институты, проблема элит), вооружившись его понятийным и аналитическим инструментарием⁵. Они расходились в оценках эффективности т.н. «технократического консерватизма» в конкретно-исторической ситуации, по-разному отвечая на вопрос о стабильности текущего порядка и степени его прочности. Например, Э. Форстхофф был наиболее оптимистичен, тогда как Р. Альтман или А. Молер полагали, что система технико-индустриального общества в ее настоящем виде исчерпала себя и требует реформирования. Тем не менее все они были едины во мнении, что восстановить «подлинно политическое» государство и соответствующую ему форму репрезентации не представляется возможным, однако в их глазах это вовсе не означало, что государство и политическая воля потеряли свое значение в условиях якобы автономного от этого индустриально-технократического порядка, что технократический *Sachzwang* можно отделить от по-шмиттовски понимаемой политики (Müller, 2003: 86).

Рюдигер Альтман и Йоханнес Гросс из этой когорты учеников Шмитта были теми, кто стремился непосредственно воздействовать на курс канцлера Людвиг Эрхарда, и представляли конкурирующий проект другой, «голлистской», линии шмиттианцев (А. Молер, М. Хепп), хотя и действовали в области внутренней политики, опираясь на базовые представления об устройстве общества, характерные для «технократического консерватизма». Альтман принадлежал к кругу Шмитта еще в военные годы, а в 1954 году защитил диссертацию по теме «Проблема

5. Ван Лаак также отмечает влияние социологии Ж. Сореля и итальянской социологической школы (Моска-Парето-Михельс). Характерной является оценка Й. Гросса: «Карл Шмитт принадлежит к традиции, которую Джеймс Бернхем назвал макиавеллистской, или, по выражению Роберта Михельса, к представителям пессимизма в социологии, — то есть тех, кто относится к политике не в номотетической или пропагандистской, а в аналитической манере. Они представляют политику не как проявление доброго, истинного или прекрасного, но рассматривают и представляют ее как борьбу, точно так же, как это делали Макс Вебер и [Гаэтано] Моска» (Laak, 2002: 221–222).

публичной сферы и ее значение для современной демократии», в которой разобрал тезис Шмитта о том, что современное государство достигло своего предела. Находясь в постоянной коммуникации со Шмиттом, в 1950-е годы Альтман имел институциональные связи с ХДС, занимаясь академической и культурно-политической работой⁶.

Альтман находился под сильным влиянием политико-теоретических работ Шмитта времен Веймарской республики, в особенности — понятия политической репрезентации, которая, по его мнению, находилась в глубоком кризисе в условиях упадка публичной сферы в техническом порядке «партийного государства» (Parteienstaat), роста влияния непрямой власти СМИ и опасных тотализирующих тенденций общества всеобщего благосостояния (Laak, 2002: 263–264). Перед лицом надвигающегося, по его мнению, кризиса и неспособности текущей модели управления в неизменном виде к политическому действию, Альтман предлагал проекты существенных корректировок в развитии ХДС и политической системы ФРГ в целом, рассчитывая оказать воздействие на нового канцлера, в окружение которого он входил.

Проект «сформированного общества» Р. Альтмана

Рюдигер Альтман (1922–2000) — автор анонимной брошюры «Сформированное общество» («Die formierte Gesellschaft») (Altmann, 1965)⁷ — предложил свою формулу выхода из кризисного состояния современной немецкой административно-политической модели, опираясь на логику, выходящую отчасти за пределы «технократического консерватизма». Образ «сформированного», «дисциплинированного общества» возникает в конце 1950-х — начале 1960-х годов под впечатлением начавшейся экономической стагнации, которую многие современники после воспринимали как серьезную угрозу, если не как экзистенциальный вызов всей системе. «Сформированное общество» представлялось как эффективная модель современного индустриально-технократического порядка, в основе которой лежит основанное на взаимодействии всех групп интересов бесклассовое общество, способное обуздать центробежные силы демократического плюрализма, не скатываясь при этом в тоталитаризм. Такая картина общества и есть исходный пункт рассуждений Альтмана.

Центральный вопрос, который имплицитно ставит Альтман в своем тексте, затрагивает проблему субъекта — носителя политического суверенитета в условиях индустриально-технического («сформированного») общества, в котором некоторые его адепты ошибочно видят отказ от государства, государственной политической

6. Вместе с тем Альтман сохранял интеллектуальную автономию и определенную дистанцию к кружку вокруг Шмитта, нередко критикуя и самого политического мыслителя (Laak, 2002: 262–265).

7. Текст был изначально опубликован анонимно. Позднее эта же брошюра выходила под именем Рюдигера Альтмана.

репрезентации и политики вообще. Альтман фактически констатирует достигнутое состояние геленовской «кристаллизации», новый характер социальной системы как свершившейся факт. «Сформированное общество» есть продукт уникальных условий постгероического, постисторического и постиндустриального социального состояния, которое стало закономерным следствием социальных конфликтов и катастроф последнего столетия: «“Сформированное общество” не отсылает ни к национальному, ни к социальному мифу. <...> Общество, в котором мы живем, пройдя через классовую борьбу и культуркампф, через насыщенный конфликтами плюрализм последующей эпохи, через колоссальное давление диктатуры и ее последствия, не говоря уже об индустриальном развитии, изменило свой характер. Из-за утраты традиций и слабости национального чувства наиболее радикальные черты современности выражены в нем острее, чем где-либо еще, иногда даже в опасной форме. И все же именно в этом изменении характера общества лежит гарантия его стабильности» (Altmann, 1965: 6).

Оторванность этого нового социального организма от собственной традиции и слабость его национального чувства компенсируется плюрализмом, являющимся главным интеграционным элементом и «мотором социализации». Плюрализм есть базовая социальная установка «сформированного общества», которая снижает градус конфликтности, — он более не исключает единство, а является его основанием, так что традиционная критика плюрализма оказывается неактуальной. Альтман также отмечает феномен «самодеидеологизации» ранее политически активных социальных групп. Однако опасения вызывает перспектива «переразвитого плюрализма», который исключает любую внутреннюю антагонистичность и даже более не ставит под вопрос единство социального организма, а потому делает общество уязвимым перед лицом кризисной ситуации и снижает способность к действию. Преодоление подобным образом сложившейся ситуации и есть ключевая задача внутренней политики ФРГ (Altmann, 1965: 7–8). Любые опасения левых о возвращении старых форм тоталитаризма Альтман отбрасывает в сторону. По его мнению, угроза социальному порядку исходит из совершенно иной плоскости: «Ибо если эта демократия погубит себя, то из-за собственной слабой воли — вокруг нет врага и в помине. Враг (как сказал один великий поэт) — это вопрос о нас самих как гештальт»⁸ (Altmann, 1965: 8).

Альтман в шмиттовском духе предпочитает мыслить в категориях чрезвычайного, кризисного, о чем заявляет прямо (Altmann, 1965: 8)⁹. На фоне усиливающейся политической риторики стабильности социальный мыслитель фиксирует комплексный кризис государства и общества, затрагивающий области внешней политики, социальной сферы и экономики, который может вот-вот дать о себе знать. И любое действие парламента, партий и правительства в этой кризисной

8. Строка из стихотворения «Sang an Palermo» Т. Дойблера, цитируется в «Теории партизана» (1963) К. Шмиттом.

9. На Шмитта Альтман не делает ни одной прямой ссылки, причиной чему является, очевидно, репутация Шмитта, однако факт многократного цитирования бесспорен.

ситуации может быть парализовано тем самым «переразвитым плюрализмом» (Altmann, 1965: 9–10). Фактически речь идет о «шмиттовской» ситуации кризиса суверенитета, облаченной в новые социально-технические условия, в которых неконтролируемый рост того, что Альтман называет «организованными интересами», ведет к полному параличу способности политического действия со стороны правительства.

Принцип перманентного демократического реформирования системы выражается, по мнению Альтмана, в следующем парадоксе: для необходимого реформирования в условиях кризиса необходимо способное к этому правительство, однако сама дееспособность правительства зависит от реформ: «В результате демократия остается в инвалидном кресле, завися от готовности заинтересованных сторон поддаваться реформированию. В конечном счете сам хронический реформизм относится к симптомам, которые он стремится излечить» (Altmann, 1965: 11). В кризисной ситуации, когда вопрос способности правительства к действию (здесь могло бы быть употреблено шмиттовское «решение») становится ребром, этот замкнутый круг разрывается авторитетом, а вовсе не компромиссом. И тут же Альтман поясняет, какого порядка этот авторитет: *auctoritas non veritas facit legem*¹⁰. Переворачивание этой формулы недопустимо, так как на практике ведет либо к террору, либо к революции, а порой и к одному, и ко второму одновременно (Altmann, 1965: 12). Потому авторитет — единственная основа стабильного политического и социального порядка, даже (а на самом деле — особенно) если речь идет о деидеологизированном плюралистично-демократическом обществе.

Основанное на этом авторитете правительство должно обеспечивать решение двух центральных задач, поставленных самой структурой и логикой технократического (сам Альтман не использует этот термин) порядка: гарантия и обеспечение условий экономического развития и справедливого распределения социального продукта (Altmann, 1965: 12). Здесь речь идет фактически о том самом принципе постоянно растущей эффективности, которую обеспечивают все составные элементы технократического порядка, в число которых входит и правительство, и парламент. Далее Альтман пишет, что экономико-техническая сфера является фундаментальной и от господствующего в ней климата зависят все остальные области функционирования общества, однако сложность современной индустриально-экономической системы заключена в том, что никто не может в полной степени ее контролировать (Altmann, 1965: 13–14). Более того, принципы функционирования современного общества «высокой технологичности» и стоящие перед ним задачи, детерминированные экономико-техническим фактором, в равной мере актуальны для любой социально-экономической модели (либерализм, социализм, капитализм) — любая попытка подчинить экономико-техническую систему социальному или идеологическому порядку обречена на провал (Altmann, 1965: 17).

10. «Законы создаются не истиной, а авторитетом» (лат.). Формула из «Левиафана» Т. Гоббса.

Здесь, опять же, мы видим пример модели технократической социальной и экономической системы, соответствующей логике, описанной представителями теории «технократического консерватизма». Далее, на примере конкретных кризисных проявлений в области финансовой политики Альтман приходит к выводу, что «между властью и ее осуществлением, между законом и его реализацией зияет пропасть». Для преодоления кризисной ситуации в экономике (или для недопущения усугубления кризиса) правительство должно опереться на авторитет — того от него требует конституционный порядок, общество и парламент (даже парламентская оппозиция): «Осуществление власти через авторитет не требует ни плебисцитарных манипуляций, ни исключения парламента, ни устранения плюрализма. <...> [Правительство] действует *ratione necessitatis*¹¹, и все это понимают» (Altmann, 1965: 18–20). Те конфликты, которые «неизбежно» возникнут, если правительство будет выходить из кризиса предлагаемым образом — то есть через усиление собственных полномочий с опорой на конституцию, — не пугают Альтмана, так как он уверен, что они не имеют ничего общего с лишь на первый взгляд похожими противостояниями предыдущей эпохи (очевидно, подразумевается ситуация Веймарской республики, которую анализировал Шмитт). В текущем общественном состоянии — состоянии того самого «сформированного общества», которое мы понимаем как одну из вариаций социального анализа в духе «технократического консерватизма» — любой антагонизм не может выйти за рамки системы, любые конфликты в «распределительном государстве» изначально направлены на выработку компромиссов в его же рамках. «Сформированное общество» как таковое, по мнению Альтмана, и есть самая сильная легитимация правительственной власти, дающая правительству больше политического авторитета, чем было у опирающихся на парламент правительств предыдущих эпох (Altmann, 1965: 21). Таким образом, завершая за Альтмана незаконченное им предложение, осмелимся вывести следующую формулу: суверенное действие правительства в условиях кризиса должно опираться на самую принуждающую объективную логику индустриально-технократического общества — своего рода технически-индустриальный эрзац судьбы.

В завершении Рюдигер Альтман обращается к проблеме человека в современном индустриально-техническом обществе: «Современный человек — это уже не индивидуум XIX века, не *citoyen*, лишенный экзистенциальных социальных связей. Это и не личность с ее трепетной иллюзией образованности, защищающая свое достоинство <...>. Сегодняшний человек — это тот, кому стало трудно отождествлять себя с целями и программой действий этого общества, особенно плюралистического; это тот, кто принимает участие, но уже не способен на полную вовлеченность. Это общество и его группы давали слишком много обещаний, но слишком мало из них сдержали. Поэтому человек имеет право на дистанцию. В этой дистанции и заключена его свобода. И только когда он обретет эту свободу

11. В силу необходимости (лат.).

дистанции, вновь появятся индивиды, способные быть примером, а не ориентироваться на сомнительные идеалы. Если не удастся сохранить эту дистанцию, этот индивид уйдет в аполитичность, переместившись из публичной массовости в мир темной субъективности. Все медлит Гамлет...».

Это, если можно так сказать, «фрайеровский» заход в проблематику и «шмиттовский» выход. Схожее описание положения человека с перспективой сохранения области собственно человеческого только в приватном сопротивлении «вторичным системам» мы видели у Ханса Фрайера. Альтман, однако, прямо критикует деполитизирующую тенденцию индустриально-технократического общества, когда речь идет о кризисном состоянии или даже его перспективе. Гамлет здесь, как и у Шмитта, — это очевидная отсылка к шмиттовской работе «Гамлет или Гекуба» — олицетворяет политический паралич современности, неспособность суверенного решения, уход индивида в аполитичную сферу. Фактически перед нами пример смеси технократического консерватизма (как оптики анализа, проблематики) и попытки преодоления кризиса суверенитета через шмиттовскую логику легитимации суверенного политического решения, основанием для которого в текущей ситуации является *Sachzwang* технико-индустриального порядка. Конкретного политического или уж тем более правового механизма Альтман не предлагает, однако можно с уверенностью заключить, что речь идет о политико-правовой модели правления в условиях введенного сверху режима чрезвычайного положения. В какой-то степени шаг к этому все-таки был сделан со стороны уже следующего правительства («большой коалиции» под руководством К.Г. Кизингера), которое в мае 1968 года приняло т.н. «чрезвычайные законы», вызвав масштабное сопротивление протестного движения и левых интеллектуалов (регулирование кризисной ситуации посредством этих поправок, однако, никогда не осуществлялось).

Проблема осуществления власти, принятия политического решения в «технократическом обществе», если оно сталкивается с кризисом, занимала Рюдигера Альтмана еще с начала 1960-х годов. Современное тотальное технико-индустриальное общество деполитизирует человека, однако не расходует ли оно тем самым субстанцию, которую не способно воспроизвести? Иными словами: не уничтожает ли текущий политический порядок предпосылки собственной стабильности?

С одной стороны, Альтман признавал структуру индустриального общества как ту, которая наиболее удачно сочетает дисциплину, плюрализм и социальную интеграцию; с другой же — социальный мыслитель опасался, что социальная интеграция и функционирование системы в условиях кризиса (или для его предотвращения) потребует сильной и основанной на авторитете власти, которая не может возникнуть из этого порядка (Müller, 2003: 85). Такая постановка вопроса сближается с интерпретацией фундаментального противоречия современного либерального порядка другим влиятельным шмиттианцем — юристом и теоретиком права Э.-В. Бекенферде: «Либеральное, секуляризированное государство живет за счет предпосылок, которые само не в состоянии гарантировать. В этом заключен большой риск, на который оно пошло из воли к свободе. С одной стороны, существовать

в качестве либерального государство может лишь в том случае, если свобода, которую оно предоставляет своим гражданам, регулируется изнутри, исходя из моральной сущности личности и гомогенности общества. С другой стороны, оно не может стремиться гарантировать внутреннюю регуляцию на основании собственной воли — то есть посредством правового принуждения и авторитарного распоряжения, — не жертвуя при этом основанным на свободе порядком и не возвращаясь <...> к тем притязаниям на тотальность, от которых избавилось в итоге гражданских религиозных войн» (Vöckenförde, 1991: 112).

Попытка примирения современной демократии с по-шмиттовски понятым политическим авторитетом, в чем Альтман видел единственный возможный выход из положения, принесла ему противоречивые оценки: от «самого холодного продолжателя шмиттовской линии» до «ухаживающего за мумией Аменхотепа немецкого либерализма — старого канцлера Эрхарда» (Laak, 2002: 265). «Аменхотеп немецкого либерализма» (выражение А. Молера) первоначально заинтересовался и поддержал идею своего молодого советника. Он также разделял опасения в эрозии социального единства в кризисной ситуации и неспособности достаточной политической реакции, однако явно не мыслил шмиттианскими категориями. В нескольких своих выступлениях второй канцлер ФРГ использовал распространенное ощущение кризиса, чтобы на этом фоне изложить свои реформаторские устремления; на партийном съезде в марте 1965 года Эрхард употребил словосочетание «сформированное общество», что означало, в его представлении, такой общественный порядок, который не раздирают социальные конфликты, эффективность которого не зависит от внешних ресурсов, а является следствием принципов его организации. Эрхард указал и на необходимость «реформы немецкой демократии», чтобы увеличить «автономию нашего парламентаризма» по отношению к «организованным интересам» технократических групп. Помимо последствий резко возросшего и с трудом поддающегося контролю влияния групп интересов, беспокойство вызывала экономическая ситуация и пределы государственного распределения благ (т.е. основы общества благосостояния).

Однако далее Эрхард не пошел — проект, о котором аккуратно зашла речь на еще одном партийном съезде осенью 1965 года, не нашел необходимой поддержки в партийных кругах, зато спровоцировал мобилизацию леволиберального и социал-демократического лагеря, который разглядел в этом перспективу бюрократическо-авторитарной диктатуры или даже угрозу реабилитации нацистской идеи гомогенизированной «народной общности» (Weißmann, 2024: 185–186; Müller, 2003: 84). Под напором критики Эрхард достаточно быстро отдалился от своей «бригады»¹², в том же 1966 году уйдя под партийным давлением в отставку. Впрочем, и Альтман с Гроссом не воспринимали Эрхарда как фигуру действительно политического типа и изначально задумывали свою игру, в которой корректировка

12. Так противники именовали дуэт Альтмана-Гросса, по аналогии с бригадой Германа Эрхардта — фрайкором, принимавшим участие в многочисленных столкновениях в 1918–1920 годах и поддержавшим путч Каппа в 1920 году (Weißmann, 2024: 302).

политического курса Эрхарда была лишь промежуточным этапом. Так, еще в августе 1964 года Гросс писал Молеру: «За год до выборов будет очень трудно вбить в голову пузатому профессору (канцлеру Эрхарду. — Прим. Ф.Ф.) хоть немного здравого смысла. <...> [Необходимо] создать триумвират, в котором Эрхарду будет отведена роль Красса, а Штраус и Шредер между собой решат, кому быть Цезарем, а кому — Октавианом»¹³. В 1967 году — на пороге социальных потрясений конца 1960-х годов — Альтман признал, что государство окончательно превратилось в совокупность функций и теперь напоминало «кастрированного кота, жиреющего в отсутствие либидо», а общество окончательно взяло верх над *deus mortalis*¹⁴ (Müller, 2003: 84).

Все это было свидетельством тупика «технократического консерватизма», который входил в глубокий кризис на фоне реполитизации слева активной части населения, превращения студенческого движения в существенный фактор социальной жизни, возникновения «внепарламентской оппозиции», растущей популярности идей представителей Франкфуртской школы и «новых левых» социально-политических течений. В модели «технократического консерватизма» не было чего-то такого, что можно было убедительно противопоставить «долгому маршу через институты» (Р. Дучке) и вскипающей социально-культурной «революции 1968 года». Ощущение кризиса, вызванное крахом уже укоренившегося представления о благополучии прогресса, еще сильнее усугубилось культурными и социальными последствиями студенческого бунта — «над ФРГ нависли мрак и неуверенность» (Finkbeiner, 2017: 96).

Рассуждения о технократическом порядке как таковые не затрагивали важные для консервативной мысли вопросы: что отличает консерватизм от умеренно-прогрессивистской либерально-консервативной позиции; что современный консерватизм должен и что может сохранить. В начале 1960-х годов все большему числу консервативных интеллектуалов становилось ясно, что технократический подход более не мог дать ответ и на самолегитимирующий вопрос, на что может опереться консерватизм в современном обществе. В этой ситуации различные кризисные тенденции все чаще интерпретировались как кризис «Боннской республики» в целом и «технократического консерватизма» в частности, чья модель легитимации не отвечала вызовам времени. На примере проекта, предложенного Р. Альтманом, это было продемонстрировано наглядно. Поиск ответов на эти вопросы и стал главной темой интеллектуальных дискуссий второй половины 1960-х — 1970-х годов.

13. Речь о недавно потерявшем пост министра обороны Ф.-Й. Штраусе и действующем на тот момент МИДе ФРГ Г. Шредере; Письмо Й. Гросса А. Молеру от 27 августа 1964 (Weißmann, 2011a: 263–264).

14. Смертный Бог (лат.). Образ, с помощью которого Гоббс описывал государство в «Левиафане». Здесь подобное словоупотребление стоит рассматривать в первую очередь как отсылку к Шмитту.

Литература

- Логинов А.В. (2019). Концепции технической цивилизации А. Гелена и Х. Шельски // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 3-2 (18). С. 233--239.
- Логинов А.В. (2001). Философская антропология А. Гелена. Дисс. канд. филос. наук. 09.00.03 — Москва.
- Михайловский А.В. (2008). «Борьба за Карла Шмитта: о рецепции и актуальности понятия политического» // Вопросы философии. № 9. С. 158–171.
- Михайловский А.В. (2024). Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект.
- Руткевич А.М. (2006). Теория институтов А. Гелена // Консерваторы XX века. М.: Изд-во РУДН. С. 110–151.
- Филиппов А.Ф. (2009). Арнольд Гелен и Хельмут Шельски // Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии». С. 274–313.
- [Altmann R.] (1965). Die Formierte Gesellschaft. Stuttgart: Seewald.
- Böckenförde E.-W. (1991). Die Entstehung des Staates als Vorgang der Säkularisation // Recht, Staat, Freiheit. Studien zur Rechtsphilosophie, Staatstheorie und Verfassungsgeschichte. Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft. Nr. 914. Frankfurt: Suhrkamp.
- Dirsch F. (2005). Individualisierung und Traditionsbewahrung. Das katholische Milieu der 1950er Jahre und die Zeitschrift „Neues Abendland“ // Die kupierte Alternative. Konservatismus in Deutschland nach 1945: Studien und Texte zur Erforschung des Konservatismus, Bd. 6. Berlin. S. 101-124.
- Finkbeiner F. (2020). Nationale Hoffnung und konservative Enttäuschung. Göttingen: Georg-August-Universität Göttingen.
- Finkbeiner F. (2017). Schicksalsjahre des Konservatismus. Konservative Intellektuelle und die Tendenzwende in den 1970er Jahren. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Greiffenhagen M. (1971). Technokratischer Konservatismus // APuZ 31/1971. S. 29-40.
- Greiffenhagen M. (1977). Das Dilemma des Konservatismus im Deutschland. München: R. Piper & Co. Verlag.
- Laak D., van. (2003). From the Conservative Revolution to Technocratic Conservatism // Müller J.-W. German Ideologies since 1945. Studies in the Political Thought and Culture of the Bonn Republic. New York. P. 147-160.
- Laak D., van. (2002). Gespräche in der Sicherheit des Schweigens. Carl Schmitt in der politischen Geistesgeschichte der frühen Bundesrepublik (2., unveränderte Auflage). Berlin: Akademie Verlag GmbH.
- Lübbe H. (1959). Die resignierte konservative Revolution // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. №115.
- Müller J.-W. (2003). A Dangerous Mind. Carl Schmitt in Post-War European Thought. New Haven and London: Yale University Press.

- Schildt A.* (1999). *Zwischen Abendland und Amerika: Studien zur westdeutschen Ideenlandschaft der 50er Jahre.* München: Oldenbourg.
- Steber M.* (2017). *Die Hüter der Begriffe. Politische Sprachen des Konservativen in Großbritannien und der Bundesrepublik Deutschland (1945–1980).* Berlin/Boston: Walter de Gruyter Oldenbourg.
- Weißmann K.* (2011a). *Armin Mohler. Eine politische Biographie.* Schnellroda: Edition Antaios.
- Weißmann K.* (2011b). *Kurze Geschichte der konservativen Intelligenz nach 1945.* Berliner Schriften zur Ideologienkunde, Band 1. Schnellroda: Institut für Staatspolitik.
- Weißmann K.* (2024). *Zwischen Reich und Republik. Geschichte der deutschen Nachkriegsrechten.* JF-Edition.

The Technocratic Structure as an Option of Conservative Order and Its Crisis: Rüdiger Altman's Project of the "Formed Society"

Filipp M. Fomichev

PhD Student, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities.

National Research University "Higher School of Economics"

Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation

E-mail: philip.fomichev@gmail.com; ffomichev@hse.ru

This article examines Martin Greiffenhagen's concept of "technocratic conservatism." It provides an overview of the key tenets of the social theory held by its proponents and outlines the role of Carl Schmitt, as well as the specific ways his ideas were appropriated by conservative intellectuals in the 1960s. The central focus of the analysis is Rüdiger Altman's "formierte Gesellschaft" ("formed society") project, which addresses the crisis of political representation and the problem of political decision-making within a technocratic ("conservative-technocratic") order.

The article investigates Altman's attempt at a "Schmittian" resolution for this crisis. Conceding the impossibility of reviving a "genuinely political" state under 1960s conditions, Altman nevertheless insisted on the persistence of a domain for sovereign governmental action. He sought its foundation in the objective constraints (*Sachzwang*) of industrial-technocratic society itself, seeking through it to justify a Schmittian model for legitimizing sovereign political decision-making via the category of authority. Altman's proposed synthesis was thus intended to resolve the fundamental crisis of the "technocratic conservative" order, which was being challenged by a resurgent left-wing political activism.

The present research is part of a series of publications examining the history as well as philosophical and political foundations of German post-war conservatism and the German New Right.

Keywords: German conservatism, technocratic conservatism, Rüdiger Altman, "formed society," *formierte Gesellschaft*, Carl Schmitt

References

- [Altmann R.] (1965) *Die Formierte Gesellschaft*, Stuttgart: Seewald.
- Böckenförde E.-W. (1991) Die Entstehung des Staates als Vorgang der Säkularisation. *Recht, Staat, Freiheit. Studien zur Rechtsphilosophie, Staatstheorie und Verfassungsgeschichte. Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft*, Nr. 914, Frankfurt: Suhrkamp.
- Dirsch F. (2005) Individualisierung und Traditionsbewahrung. Das katholische Milieu der 1950er Jahre und die Zeitschrift „Neues Abendland“. *Die kupierte Alternative. Konservatismus in Deutschland nach 1945: Studien und Texte zur Erforschung des Konservatismus*, Bd. 6. Berlin, pp. 101-124.
- Filippov A.F. (2009) Arnol'd Gelen i Hel'mut Shel'ski [Arnold Gehlen and Helmut Schelsky]. *Mysl'jashhaja Rossija: istorija i teorija intelligencii i intellektualov*, Moscow: Non-profit foundation "Heritage of Eurasia", pp. 274-313.
- Finkbeiner F. (2017) *Schicksalsjahre des Konservatismus. Konservative Intellektuelle und die Tendenzwende in den 1970er Jahren*, Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Finkbeiner F. (2020) *Nationale Hoffnung und konservative Enttäuschung*, Göttingen: Georg-August-Universität Göttingen.
- Greiffenhagen M. (1971) Technokratischer Konservatismus. *APuZ*, 31/1971, pp. 29-40.
- Greiffenhagen M. (1977) *Das Dilemma des Konservatismus im Deutschland*, München: R. Piper & Co. Verlag.
- Laak D., van. (2002) *Gespräche in der Sicherheit des Schweigens. Carl Schmitt in der politischen Geistesgeschichte der frühen Bundesrepublik* (2., unveränderte Auflage), Berlin: Akademie Verlag GmbH.
- Laak D., van. (2003) From the Conservative Revolution to Technocratic Conservatism. Müller J.-W. *German Ideologies since 1945. Studies in the Political Thought and Culture of the Bonn Republic*, New York, pp. 147-160.
- Loginov A.V. (2001) *Filosofskaja antropologija A. Gelen* [Philosophical Anthropology of A. Gehlen]. diss. kand. filos. nauk. 09.00.03 — Moscow.
- Loginov A.V. (2019) *Koncepcii tehničeskoj civilizacii A. Gelenai H. Shel'ski* [Concepts of Technical Civilization by A. Gehlen and H. Schelsky]. *Vestnik RGGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie»*, no 3-2 (18), pp. 233-239.
- Lübbe H. (1959) Die resignierte konservative Revolution. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, no 115.
- Mihajlovskij A.V. (2008) *Bor'ba za Karla Shmitta: o recepcii i aktual'nosti ponjatija političeskogo* [The Struggle for Carl Schmitt: On the Reception and Relevance of the Concept of the Political]. *Voprosy filosofii*, no 9, pp. 158-171.
- Mihajlovskij A.V. (2024) *Majatnik moderna: diskussii o tehnike v Germanii* [The Pendulum of Modernity: Discussions on Technology in Germany], Moscow: Akademicheskij proekt.
- Müller J.-W. (2003) *A Dangerous Mind. Carl Schmitt in Post-War European Thought*, New Haven and London: Yale University Press.
- Rutkevich A.M. (2006) *Teorija institutov A. Gelen* [Theory of Institutions by A. Gehlen]. *Konservatory XX veka*, Moscow: Izd-vo RUDN, pp. 110-151.
- Schildt A. (1999) *Zwischen Abendland und Amerika: Studien zur westdeutschen Ideenlandschaft der 50er Jahre*, München: Oldenbourg.
- Steber M. (2017) *Die Hüter der Begriffe. Politische Sprachen des Konservativen in Großbritannien und der Bundesrepublik Deutschland (1945–1980)*, Berlin/Boston: Walter de Gruyter Oldenbourg.
- Weißmann K. (2011a) *Armin Mohler. Eine politische Biographie*, Schnellroda: Edition Antaios.
- Weißmann K. (2011b) *Kurze Geschichte der konservativen Intelligenz nach 1945. Berliner Schriften zur Ideologienkunde, Band 1*, Schnellroda: Institut für Staatspolitik.
- Weißmann K. (2024) *Zwischen Reich und Republik. Geschichte der deutschen Nachkriegsrechten*, JF-Edition.